

Вкусно поев, вдоволь попив и подоставав Шэнь Цзунняня пару дней, Тань Юмин набрался сил. В пятый день нового года он устроил банкет для гостей в отеле-казино Шэнь Цзунняня в честь встречи Бога Богатства.

Танец льва, воскурение благовоний, обрывки от петард усеяли всю улицу Тиду от начала до конца.

— А-Вань, — Сюй Чжиин бросила в сброс туз треф и искренне предложила: — Может, ты просто сразу соберешь для господина Чжао флеш?

Чэнь Вань кашлянул. Чжао Шэнгэ, склонив голову над картами, на мгновение едва заметно улыбнулся и по-джентльменски произнес:

— Как доиграем эту раздачу, пусть сядет кто-то другой.

Тань Юмин недовольно поднял голову:

— Выиграл деньги и сваливаешь?

Где же твои карточные манеры, где карточная этика?

Дело было не в сумме. Сегодня встречали Бога Богатства, и всем хотелось получить хорошую примету.

Чжао Шэнгэ повернулся, мягко посмотрел на него и весьма вежливо ответил:

— Если останусь я, тебе будет еще сложнее выиграть.

— ...

Чжао Шэнгэ накануне ездил в старый дом и раздавал красные конверты малышне. Подумав немного, он пододвинул ему несколько фишек и с заботой старшего брата напутствовал:

— Играй серьезнее. Продержись до того, как Шэнь Цзуннянь договорит по телефону и вернется.

Тань Юмин провел языком по зубам.

Чжао Шэнгэ больше не обращал на него внимания. Он встал, взял со спинки стула пальто, перекинул через локоть, обошел половину карточного стола и сел рядом с Чэнь Ванем, чтобы наблюдать за игрой.

Чэнь Вань освободил руку, притянул его поближе и, повернув голову, тихо спросил:

— Хочешь уйти?

Он боялся, что Чжао Шэнгэ заскучает и его начнет клонить в сон.

Чжао Шэнгэ медленно покачал головой и понимающе ответил:

— Не торопись, сыграй еще несколько партий.

Чэнь Вань провел в его постели несколько дней и не выходил из дома. Сегодня он наконец-то выбрался, и Чжао Шэнгэ хотел, чтобы он повеселился от души.

Он не стал откидываться на спинку стула. Просто подпер щеку рукой и смотрел, как Чэнь Вань ходит картами. Их колени соприкасались. Время от времени он опускал голову, чтобы ответить на рабочие сообщения.

В следующей партии на освободившееся место села Сюй Энъи. Она вернулась из Северной Европы на Новый год. В аэропорту она столкнулась с отдохавшей Сюй Чжиин, и они вместе прилетели домой. А поскольку Тань Юмин был её бывшим однокурсником по занятиям немецким, сегодня она пришла вместе со всеми.

Все они знали друг друга с детства. Оставим в стороне, насколько хорошими были их отношения, но в этих кругах выгода была важнее дружбы.

Однако с появлением Чэнь Ваня их тонкие взаимоотношения несколько изменились.

Тань Юмин спросил у Сюй Чжиин:

— Ты правда собираешься сегодня остаться здесь ночевать?

— Ага, — Сюй Чжиин неотрывно смотрела на свои карты. — Дома от нотаций голова пухнет, хочу спрятаться в тишине.

— Тогда я велю приготовить комнату. Карточку-ключ тебе попозже принесут. — Хотя казино еще не открылось, Тань Юмин всегда был щедр и заботлив к друзьям. — Горячий источник, бассейн и кухня в твоём распоряжении круглосуточно. Если что-то понадобится, обращай к управляющему. Если захочешь выйти, пусть водитель отвезет, на Новый год на улицах слишком шумно.

Сюй Чжиин поблагодарила его и с восхищением поцокала языком:

— Теперь я понимаю, откуда у господина Таня такая блестящая репутация в свете.

Он заслуженно удерживал первое место в рейтинге гонконгских СМИ как «Богатый наследник, пользующийся наибольшим успехом у женщин».

Сюй Эньи громко рассмеялась:

— Ты просто не знаешь! Когда мы ходили на курсы немецкого, половина девчонок в группе были влюблены в Мин-цзя.

Тань Юмин спокойно позволил им подшучивать над собой.

Сюй Эньи взяла карту и спросила Сюй Чжиин:

— И как это кто-то смеет указывать тебе, что делать? Они что, не видели, чем закончили твои старший и второй братья? — Сама она была единственной дочерью нефтяного магната и не сталкивалась с такой борьбой за власть, как Сюй Чжиин.

Сюй Чжиин это ничуть не беспокоило:

— За вступление в брак полагается выплата из семейного трастового фонда.

— Ну, раз дают деньги, грех не взять. Вон смотри, — Сюй Эньи указала на Тань Юмина. — Готовый партнер по бизнесу.

Тань Юмин кивнул. В зубах он зажал сигарету, которую кто-то ему дал, но из-за присутствия дам поджигать не стал. Он бодро отозвался:

— Раз уж мы друзья, могу сделать скидку по-дружески.

Сюй Чжиин улыбнулась:

— Да куда мне справиться с господином Танем. Если уж выбирать, я бы выбрала А-Сюаня.

— ... — проходивший мимо Чжо Чжисюань поднял руки в знак капитуляции: — Барышни, не делайте из меня посмешище.

Чэнь Ваню стало смешно. Сюй Эньи сходила младшим джокером, побила его короля треф и сообщила Тань Юмину, что Кэролайн возвращается.

— Кто?

— Фан Шиин, — видя его реакцию, Сюй Эньи потеряла дар речи. — Ты и её не помнишь? — Кого вообще помнил этот светский лев Хайши?

Она напонила:

— Одногруппница, которая была с нами в одной команде на выпускном спектакле! Она еще играла твою королеву.

— Она еще не доучилась, когда ее отец пустил по ветру состояние семьи. Она пошла на конкурс «Мисс Остров» и дебютировала в шоу-бизнесе. Говорят, на одном приеме ты помог ей отвязаться от какого-то продюсера. И потом она получила немало хороших проектов благодаря твоей протекции.

В памяти Тань Юмина наконец-то что-то прояснилось.

Сюй Энью знала о его преданности друзьям. Он помогал людям и тут же забывал об этом, даже не подозревая, что его мимолетная доброта значила для чужой жизни, и кто будет помнить об этом долгие годы.

— Кэрлайн теперь ушла за кулисы. В прошлом году она получила премию «Золотая пальмовая ветвь» как лучший режиссер эпизодических сериалов.

На лице Тань Юмина появилось выражение искреннего восхищения:

— Какая целеустремленная.

— Да, она очень упорная. В этом году она с триумфом возвращается на родину, и первым делом сказала, что хочет связаться с тобой. Но у неё нет твоих контактов, давай я тебе скину. И вообще, не пора ли нашей группе по немецкому собраться вместе?

Сюй Энью и невдомек было, что пятнадцатилетний Тань Юмин вообще не хотел учить этот дурацкий немецкий. Он стиснул зубы и пошел на курсы лишь потому, что тайком выяснил: место, куда сослали Шэнь Цзунняня, находилось где-то в немецкоговорящей части Северной Европы.

Однако в тот год, пока Шэнь Цзунняня не было, эта группа, на две трети состоявшая из девушек, подарила Тань Юмину, внезапно потерявшему близкого друга, много тепла и утешения. Поэтому к своей группе по немецкому он все же питал некие сентиментальные чувства.

— Хорошо, скинь мне её контакт, — Тань Юмин огляделся и нашел взглядом Шэнь Цзунняня, который как раз разговаривал с Цзян Ином.

Он помахал рукой и лениво позвал:

— Шэнь Цзуннянь.

Шэнь Цзуннянь подошел, и Тань Юмин полез в его карманы:

— Телефон.

Не найдя ничего, он начал ощупывать его активнее, приговаривая:

— Быстрее, режиссер-лауреат премии ждет, чтобы добавить меня. — Он был искренне рад за старую подругу, чьи страдания наконец окупились, и говорил с чувством гордости.

Шэнь Цзуннянь посмотрел на него сверху вниз. Он сунул руку в карман, мертвой хваткой схватил его за запястье, вытащил наружу, отпустил и сказал:

— Добавляй со своего.

«?» Его телефон был на зарядке.

Шэнь Цзуннянь бросил: «Я скажу, чтобы тебе его принесли», — и отвернулся, чтобы ответить на звонок.

— Эй... — Тань Юмин не смог докричаться до него. Он повернул голову и увидел три пары глаз за столом, уставившихся на него. Тань Юмин не разозлился. Он пожал плечами и с улыбкой попытался сохранить лицо: — Он всегда такой.

Сюй Эньи вскинула бровь, Сюй Чжиин улыбнулась, не проронив ни слова, а Чэнь Вань почесал кончик носа. Никто ничего не сказал, и они в едином порыве начали новую раздачу.

Лишь Чжао Шэнгэ бросил косой взгляд на Шэнь Цзунняня.

Он ведь уже давно говорил.

«Ты поклоняешься ему как божеству, но божество не спасает лишь одного человека».

«Спас тебя — и теперь ему запрещено спасать других. Шэнь Цзуннянь, так не бывает».

Тогда Шэнь Цзуннянь сделал вид, что не расслышал, а сейчас — сделал вид, что не заметил.

Когда карту Чэнь Ваня во второй раз побила Сюй Эньи, Чжао Шэнгэ едва слышно усмехнулся.

Спина Чэнь Ваня напряглась. Мгновение спустя он легонько коснулся своим коленом колена Чжао Шэнгэ.

Чжао Шэнгэ положил руку ему на спину, словно нажимая на клавишу пианино, и сказал, что пойдет на балкон выкурить сигарету.

Чэнь Вань кивнул, но затем придержал его, накинуд ему на плечи пальто и только после этого сказал:

— Иди.

— ...

Во время перерыва на чай Тань Юмин пошел развлекать других друзей. Проходя мимо стойки, он поздоровался с несколькими девушками-крупье:

— Не напрягайтесь так. Новый год же, к черту правила.

— Вы уже получили красные конверты? — На его плечи было накинуто пальто, в его непринужденности сквозила доля легкомыслия. Несколько иностранных крупье осмелели и ответили:

— Получили. Господин Тань очень щедр. Желаем вам сказочно разбогатеть в этом году.

Хотя отель принадлежал семье Шэнь, от управляющего до крупье все были гораздо ближе с Тань Юмином.

— Договорились, — Тань Юмин был в хорошем настроении и беспечно улыбнулся: — Ловлю вас на слове.

Вдали небо озарилось вспышками света. Во время Праздника весны в бухте Виктория каждую ночь запускали фейерверки. Блики света и тени скользили по бесстрастному лицу Шэнь Цзунняня.

Кто-то подошел. Он повесил трубку и скользнул взглядом по накинутому на плечи подошедшего пальто. Чжао Шэнгэ никогда так не носил верхнюю одежду, поэтому было очевидно, кто его накинул.

Шэнь Цзуннянь фыркнул:

— Что, допритворялся, что и правда стал хрупким и немощным?

Чжао Шэнгэ проигнорировал насмешку. Он выщелкнул сигарету, зажал ее губами и ответил совершенно невпопад:

— А у тебя снова рука не поднимается.

Шэнь Цзуннянь не курил. Прислонившись к стене и сунув руки в карманы, он кивнул:

— Ага, или мне тоже прикажешь его принуждать.

Чжао Шэнгэ ничуть не смутился и слегка вздернул подбородок:

— И что с того?

Шэнь Цзуннянь оперся обеими руками на перила и посмотрел на горы вдали:

— Он не такой, зачем его заставлять.

— Тогда сделай так, чтобы он стал...

— Чжао Шэнгэ, — перебил его Шэнь Цзуннянь. В этот момент в небе расцвело огненное дерево с серебряными цветами, осветив его мрачное лицо. — Я часто думаю: то, чего нет ни у тебя, ни у меня, должно же быть хоть у кого-то из нас.

После этих слов Чжао Шэнгэ замолчал.

Тань Юмин отличался от Чжао Шэнгэ и Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь попал в семью Тань в двенадцать лет.

Покойный старый господин Шэнь вписал его в завещание как наследника. Перед лицом огромных денег и выгоды отцы переставали быть отцами, а братья — братьями. Чтобы заставить его изменить завещание, юный Шэнь Цзуннянь пережил клевету и подставы от кузенов, совместные попытки покушения от дядей и даже угрозы похищения от собственных родителей.

В свои последние дни старый господин Шэнь понимал, что не сможет защитить внука. Ему пришлось поручить опеку над ним своему близкому другу — старику Таню. Он умолял семью Тань защищать Шэнь Цзунняня до совершеннолетия и пообещал им за это огромную выгоду. Именно поэтому впоследствии бизнес империй Шэнь и Тань стал почти неразделим.

С первого же дня пребывания Шэнь Цзунняня в доме господин Тань и Гуань Кэчжи относились к нему как к родному.

Тань Чжуншань был человеком открытым, любил детей. Он учил его стрелять, драться и вести переговоры с людьми.

Гуань Кэчжи обладала вспыльчивым нравом. Она могла одной рукой наносить румяна, а другой гоняться за сыном, чтобы отшлепать его. Но если она вязала шарф или варила танъюани для Тань Юмина, порция доставалась и Шэнь Цзунняню, даже если шарф был страшеньким, а еда — невкусной.

Старый господин Тань был добросердечным. Он лично учил Шэнь Цзунняня понимать поэзию и писать иероглифы, потому что Тань Юмин учиться не желал и не мог усидеть на месте и минуты.

Даже Чжао Шэнгэ, которого Тань Юмин как-то пригласил поиграть, получил в подарок от старой госпожи Тань вырезку из бумаги, сделанную её собственными руками.

«Шэнгэ такой красивый мальчик, вырежу-ка ему большого тигра».

Однако дома Чжао Маочжэн быстро порвал её. Юный Чжао Шэнгэ чувствовал глубокую вину и

с тех пор больше никогда не ходил в гости к Тань Юмину.

Глядя в мусорное ведро, он думал о том, что если бы стеклянный шарик нашел Тань Юмин, его судьба сложилась бы совершенно иначе.

И конечно же, это было так.

Дом семьи Тань был огромным приютом. Он приютил оставшегося без дома Шэнь Цзунняня, лишенного детства Чжао Шэнгэ, обделенного любовью Чжо Чжисюаня и, конечно же, смог бы приютить и раненого щенка.

В их кругах такая семья была уникальным явлением. Но только в такой семье мог вырасти Тань Юмин.

Семейные узы у Шэнь Цзунняня и Чжао Шэнгэ были слабыми. Им было мало до чего дело, совесть и мораль они давно растеряли, поэтому могли творить всё, что вздумается.

А вот другие — нет.

Гармония и семейный уют были неотъемлемой частью искренности и свободы Тань Юмина. Если бы кто-то попытался разрушить тепло и счастье этой семьи, это было бы равносильно попытке уничтожить саму суть Тань Юмина.

Во влажном морском бризе уже чувствовался запах пробуждающейся зелени. Чжао Шэнгэ произнес:

— В начале весны у старого господина юбилей. — В этом году несколько человек из семьи Тань ушли в отставку. Чтобы укрепить позиции, вопрос о браке Тань Юмина неминуемо вынесут на повестку дня.

На самом деле Шэнь Цзуннянь никогда не нуждался в чужих напоминаниях.

Фейерверки в бухте Виктория запускали только до одиннадцати часов.

Вечеринка закончилась. Тань Юмин сел на пассажирское сиденье «Бентли» и тут же взял телефон Шэнь Цзунняня. Заряд батареи был на исходе. Не успел он выпрямиться, как Шэнь Цзуннянь нажал кнопку на приборной панели. Ящичек открылся, и оттуда показался кабель зарядки.

Тань Юмин скорее готов был ждать, пока телефон зарядится, чем лезть за своим — это уже вошло у него в глубокую привычку.

Долгое время после того, как Шэнь Цзунняня отправили в семью Тань, его клан продолжал досаждать ему. Телефонные угрозы, СМС с запугиваниями, шантаж, попытки подкупа... Шэнь

Цзуннянь всё это игнорировал. Зато Тань Юмин жутко злился и каждый день проверял его телефон.

— Твою мать, ты что, так и позволишь им сходить с ума?!

В лексиконе этого бесенка просто не существовало слова «терпеть».

На каждую угрозу семьи Шэнь Тань Юмин отвечал десятью ругательствами.

Стоило кому-то из семьи Шэнь позвонить, он тут же платил хакерам, чтобы те аннулировали номер звонившего.

Впервые Шэнь Цзуннянь посмотрел на Тань Юмина всерьез, когда тот, обнажив клыки, ответил на звонок дяди из семьи Шэнь тирадой, плавно переключаясь между мандарином, кантонским и английским и щедро разбавляя всё это отборным матом.

— ...

Если звонок раздавался дома, Гуань Кэчжи даже жаловалась, что сын ругается недостаточно аутентично и использует слишком мягкие выражения, с энтузиазмом подкидывая ему более изошренные и грубые словечки из диалектов.

При этом старый господин Тань смотрел на него с поощрением, а Тань Чжуншань открывал рот, но так и не решался ничего сказать.

С тех пор то, что Тань Юмин узурпировал телефон Шэнь Цзунняня, стало в семье Тань делом совершенно официальным. Позже родные, желая найти Тань Юмина, звонили прямиком Шэнь Цзунняню. А потом этому примеру последовали и друзья.

«Бентли» проезжал мимо бухты Виктория. Тань Юмин немного опустил стекло и рассказал Шэнь Цзунняню то, что услышал сегодня от друзей.

— Говорят, кто-то вроде видел маму Се Чжэньлиня в клинике «Жэньцзи».

Его тон редко бывал таким тяжелым. Раньше, когда школа организовывала весенние поездки, они все ели десерт из манго и помело, который готовила госпожа Се.

— Не знаю, правда ли это.

«Жэньцзи» была частной больницей. Поскольку еще продолжался Праздник весны, посещения были запрещены, и прессу туда не пускали. В Хайши такие вещи считались плохой приметой, особенно среди бизнесменов.

— Я тоже не могу с ним связаться. Он даже не ответил на новогоднее поздравление, которое я отправил в первый день.

— Из-за их связи с тем парнем-моделью семья Се упёрлась и не сдает позиций.

Со времен университета прошло уже много лет. Хотя Тань Юмин и щедро помогал другу, когда тот обращался к нему, в глубине души он прекрасно понимал: у этого романа нет будущего.

В таких семьях, как у них.

— Се Жуйго пришел в ярость и вознамерился очистить семью от позора. Он даже не разрешил Се Чжэньлиню вернуться домой на Новый год. Тётушка так распереживалась, что слегла в больницу.

Тань Юмин дорожил чувствами, был предан друзьям и свято чтит семейные ценности. Он вскользя вздохнул:

— Неужели ему сдался именно этот человек?

Тань Юмин никогда не сомневался, что любовь друга крепче золота. Просто сам он никогда никого не любил и не мог этого прочувствовать.

А когда он узнал, что тот в тревоге ждал у больницы, но его так и не пустили навестить мать, ему стало совсем не по себе. Он вздохнул:

— Надеюсь, он не жалеет об этом.

Впрочем, всё это было лишь слухами. Правда или нет — неизвестно, а уж посторонним и подавно не следовало в это вмешиваться.

Свет дальних фар встречной машины ослепил их, осветив его лицо — любвеобильное и в то же время безжалостное. В нем сквозила жестокость человека, «прошедшего сквозь кусты цветов и не задевшего ни лепестка».

Шэнь Цзуннянь сжимал руль и не издавал ни звука, но Тань Юмин мог болтать без умолку. Он к этому привык и перешел к делам.

— Я видел, что «Синьюэ» сбрасывает акции на минимуме, и скупил их с твоего аккаунта. — В окно ворвался речной ветер. Растрепанные волосы придавали его лицу одновременно праведный и демонический вид. — Мы и так терпели их слишком долго. Давай в этот раз решим всё быстро, мне лень даже оставлять им шанс на спасение.

Шэнь Цзуннянь ничего ему не сказал. В рабочих делах Шэнь Цзуннянь всегда играл роль «злого полицейского», а Тань Юмин — «доброго». Убивать чужими руками, используя авторитет Шэнь Цзунняня — в этом он достиг совершенства.

Заряд телефона восстановился до сорока процентов. Раздалось два коротких вибросигнала. Тань Юмин издал радостный возглас:

— Ого! Великий режиссер мне ответила.

<http://bllate.org/book/17117/1603817>